

ISSN 0038-5034

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

3

1980

Монография известного специалиста по археологии Северного Кавказа В. И. Марковина посвящена проблеме, важной не только для тех, кто занимается древностями этого района, но и для истории культуры в целом.

Еще в 1794 г. во время поездки по Таманскому п-ову академик П. С. Паллас заметил и описал своеобразные древние гробницы, построенные из четырех плит — монолитов, перекрытых пятой, и имеющие круглое входное отверстие в передней стенке. Во второй половине XIX в. — в период интенсивного освоения Прикубанья и Черноморского побережья Кавказа русскими переселенцами — подобные могильники были обнаружены во многих местах. Основатель Краснодарского музея Е. Д. Фелицын, В. М. Сысоев и другие исследователи начали изучение этих гробниц. Стало ясно, что это одна из разновидностей мегалитических сооружений, возникших в разных районах Европы в бронзовом веке, носящая бретонское название «дольмены». Таким образом, перед нами древнейшие памятники монументальной каменной архитектуры на территории нашей страны, свидетельствующие о высоком уровне развития построивших их людей и о связях обитателей Кавказа с другими районами распространения дольменов.

Встал вопрос, каково происхождение дольменов Кавказа, появились ли они в результате развития местного населения или принадлежат каким-то чуждым племенам, переселившимся сюда из той или иной области Старого Света, где еще раньше возводили каменные усыпальницы. Этот вопрос, не получивший однозначного решения до сих пор, подробно разбирается и в книге В. И. Марковина.

Исследование дольменов Кавказа продолжалось и в XX столетии. Особенно важное значение имели труды финского ученого А. М. Тальгрена, рассмотревшего эту группу археологических памятников на широком историко-культурном фоне и уточнившего их датировку, и работы советских археологов Б. А. Куфтина и О. М. Джапаридзе. Уже в послереволюционные годы было установлено, что дольмены есть не только в северной части Кавказского Причерноморья, в районе Туапсе — Сочи, но нередко встречаются и в Абхазии. Изучение абхазских дольменов позволило археологам Грузии говорить о том, что древнейшие из этих сооружений возникли еще в III тысячелетии до н. э., и доставило комплексы находок, зафиксированные на современном методическом уровне. Ценный обзор данных о дольменах Кавказа издал в 1960 г. Л. И. Лавров.

Несмотря на эти бесспорные успехи в разработке дольменной проблемы, предстояло сделать еще многое: уточнить ареал этих памятников, создать их типологию и периодизацию, выяснить их соотношение с дольменами Европы, Азии, Северной Африки. Между тем проблема дольменов не только важна, но и крайне трудна для разработки. Состояние источников оставляет желать лучшего. Если даже древние погребения в курганах нередко оказываются ограбленными и нарушенными, то дольмены, стоявшие открыто, с давних пор служили приманкой для кладоискателей. В подавляющем большинстве дольменов внутри все перекопано, положенные с покойником металлические вещи унесены, глиняные сосуды и кости разбиты, позу погребенных установить уже невозможно. Очень часто разрушены и сами гробницы. Работать с таким дефектным материалом, с малым числом надежных комплексов — задача неблагоприятная. Вероятно, именно поэтому исследование дольменов Прикубанья практически прекратилось на ряд десятилетий. И все же больше игнорировать столь важную проблему было нельзя, и с 1967 г. Институт археологии АН СССР создал особый отряд по изучению дольменов в составе своей Кавказской экспедиции.

Возглавивший отряд В. И. Марковин действовал по строго продуманному плану. Было решено сделать какую-нибудь большую группу дольменов объектом многолетних стационарных исследований. Выбрана была одна из самых крупных групп — на р. Кизинке у ст. Баговской в Прикубанье, состоящая из 564 дольменов. Одновременно проводился обезд памятников в других районах с раскопками наиболее интересных и лучше сохранившихся гробниц и обязательным обмером всех сооружений. На Дегуакской поляне у ст. Даховской было обнаружено и раскопано также поселение строителей дольменов. Имея художественное образование, В. И. Марковин сам зарисовал и зафиксировал на чертежах многие десятки дольменов.

Полевые исследования дополнялись тщательным сбором материалов о дольменах во всевозможных изданиях — географических, геологических, краеведческих, туристских, в газетах и архивах. Ни в одной предшествующей работе о дольменах Кавказа эти сообщения не были привлечены с такой полнотой. Пусть некоторые из них отрывочны или наивны, все равно ценность их велика. Ведь многих из описанных в XIX или начале XX в. дольменов уже не существует. Не более 20% усыпальниц сохранили сейчас первоначальное положение. В итоге В. И. Марковин учел сведения как минимум о 2308 гробницах в 189 пунктах.

Весьма добросовестно штудировал В. И. Марковин и литературу о дольменах разных стран мира. Здесь мы не можем ждать от автора такой же полноты, как для дольменов Кавказа, к тому же он не мог проверять на месте сообщения зарубежных ученых. Тем не менее суммированные им данные также представляют большой интерес, а вся сводка в целом не имеет равных по охвату среди других аналогичных обзоров.

Итоги проделанной работы теперь вынесены на суд читателей. На мой взгляд, наиболее ценной частью рецензируемой книги является ее начало, содержащее максимально полный учет литературных данных о дольменах. В последующих главах интересны собственные наблюдения автора над техникой сооружения гробниц, характерными для них пропорциями, над деталями, позволяющими реконструировать погребальный ритуал.

Слабее главы, посвященные дольменному инвентарю, хронологии и исторической интерпретации памятников. В. И. Марковин повторил ошибку первой своей книги — «Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы» (1960), верно отмеченную Б. А. Латыниным. Вместо того чтобы выделить из массы коллекций определенное число надежных комплексов, а далее строить свою схему, используя эти опорные точки, автор старается привлечь как можно больше данных. Надежные и ненадежные, раскопочные и случайные материалы, охарактеризованные все вместе, не увеличивают убедительность предложенных схем. Некоторые использованные в работе памятники (например, Геленджикское поселение) вообще отношения к дольменам не имеют. Мы вправе были бы ждать от В. И. Марковина, что он даст характеристику всех раскопанных дольменов, разберет комплекс за комплексом, их ведь оказалось не так много — всего 157. Но этого нет. Материал рассматривается суммарно.

С первых же глав автор называет одни дольмены ранними, а другие поздними, хотя это надо было бы не декларировать в начале работы, а доказать в итоге ее. Наблюдения, лежащие в основе этих выводов, может быть, и верны, но, не видя, какой анализ проделан для получения выводов, читатель не обязан верить автору на слово. Корреляции типов дольменных гробниц с найденным в них инвентарем автор по сути дела не дал.

Историческую интерпретацию дольменов В. И. Марковин предлагает такую: дольмены для Кавказа — явление целиком инородное — результат переселения каких-то средиземноморских племен в период «морской торговли». Древнейшие дольмены сосредоточены не в Абхазии, а в Прикубанье и относятся к середине III тысячелетия до н. э. Дольмены связаны с абхазо-адыгским этносом (который тем самым оказывается для Кавказа не коренным, а пришлым). Для детального разбора этих положений нужно много места. Рассматривать вопросы, входящие в компетенцию лингвистов, я не берусь. Остановлюсь лишь на трех моментах, по-моему, наиболее важных для понимания проблемы.

В. И. Марковин убедительно показал, что дольмены Западного Кавказа как своеобразные мегалитические сооружения не имеют истоков на месте — ни в погребениях в каменных ящиках, ни в захоронениях в пещерах. Но из этого он делает, на мой взгляд, необоснованно широкий вывод, что появление дольменов на Кавказе — результат переселения какого-то древнего народа из далекого Средиземноморья. В литературе мы встретим и другую концепцию: о заимствовании извне только формы погребального сооружения кавказскими племенами, потомками местного населения эпохи неолита и энеолита. Мне это кажется более убедительным. Распространение на почти столь же обширной территории, как и у дольменов, примерно в тот же период другой специфической формы погребальных сооружений — катакомб говорит вовсе не о расселении «катакомбного народа». Это всего лишь свидетельство усвое-

ния особой формы могил самыми разными племенами Старого Света: обитателями Сирии и Палестины, Египта и Крита, Италии и Кикладских о-вов, степей Северного Причерноморья и Дагестана, Бухарского оазиса и Минусинской котловины.

Инвентарь, обнаруженный в наших дольменах, очень похож на находки на более ранних энеолитических, а иногда и неолитических памятниках Кавказа и вовсе не выглядит чем-то инородным для данной территории, как, скажем, выглядит инвентарь фатьяновских могильников среди более древних и синхронных комплексов Волго-Окского бассейна. Это касается как каменных орудий из дольменов — клиновидных шлифованных топориков, кремневых наконечников стрел, шариков для пращи, так и керамики. Сосуды с бедным орнаментом, а чаще совсем без орнамента, но зато с ручками и носиками-сливами характерны именно для первобытной культуры Кавказа, а не для каких-либо других районов. Автор сам отмечает сходство дольменной посуды с керамикой майкопской культуры, в частности весьма специфического орнамента из жемчужин. Сходен с майкопским и металл из дольменов, вплоть до таких своеобразных форм, как медные крюки, не говоря уже о ножах, топорах, височных кольцах. Приведенные В. И. Марковиным отдельные аналогии вещам из дольменов Кавказа среди коллекций из раскопок в Средиземноморье, как правило, связаны с категориями, распространенными по всему Старому Свету, и не могут доказать приход строителей дольменов откуда-то издалека.

Думается также, что верная в целом формулировка В. И. Марковина об отсутствии местных корней у дольменов в Прикубанье требует все же некоторого ограничения. Носители майкопской культуры строили оборонительные стены из плит равного камня (поселения Мешоко, Ясенова поляна), каменные ящики для погребений (вроде найденного на стоянке Скала), использовали камень и при строительстве жилищ (Ясенова поляна). Обладая прочными навыками работы с камнем, умея выламывать из скал такие же толстые, как у дольменов, плиты, эти племена могли легче усвоить разработанную в другом месте и другими людьми технику сооружения дольменов, чем носители более южной синхронной энеолитической культуры — куроараксинской, где для жилищ использовали обычно глинобитный кирпич. Закономерно поэтому, что на Куре и Араксе дольменов так никогда и не строили. В свете этого уникальнейший 11-гранный дольмен, раскопанный Н. Л. Каменевым в 1869 г. у ст. Новосвободной, не имевший нормального распределения свода и опор и не развалившийся только потому, что его засыпали землей, может рассматриваться как один из первых опытов строительства дольменов носителями майкопской культуры.

Второй момент, на котором надо остановиться, тесно связан с первым. Проблема эта — дольмены и дольменная археологическая культура. На первый взгляд кажется, что перед нами тождество: люди, хоронившие своих покойников в дольменах, были носителями особой археологической дольменной культуры, а те, у кого был другой погребальный обряд (захоронения в пещерах, под насыпями курганов и т. д.), — носителями иных культур. В действительности дело обстоит не так просто. Вновь прибегнем к сравнению с катакомбами. Для выделенной В. А. Городцовым катакомбной культуры II тысячелетия до н. э. мы знаем захоронения, совершенные как в катакомбах, так и в простых ямах. Кроме этого, мы знаем могилы с катакомбами, относящиеся к другим археологическим культурам, иногда распространенным на той же территории, что и катакомбная культура, но в более позднее — скифское время, иногда синхронные с ней, но обнаруженные в достаточно удаленных районах (Манас в Дагестане, могильник Заман-баба в Узбекистане, могильники афанасьевской культуры Уйбат и Есь на Среднем Енисее). Вероятно, встречаются погребения дольменной культуры не в дольменах и погребения в дольменах, относящиеся к другим культурам. Вопрос это сложный. Четкого решения его, помня о дефектности источника, требовать от автора мы не можем, но мне кажется, что даже для себя ответить на него он не попытался.

В. И. Марковин предполагает, что древнейшие дольмены строились только для погребения вождей. Это, конечно, спорно, но, приняв такую гипотезу, мы вправе спросить — где же тогда могилы рядовых общинников? При хорошей археологической изученности Кавказа мы должны были бы их знать — например, среди множества курганных захоронений, раскопанных еще Н. И. Веселовским. Л. Н. Соловьев — археолог, долгие годы работавший в Абхазии, высказал мнение, что дольмены — это

костехранилища, оссуарии, место вторичных погребений, тогда как первичные совершались в пещерах. В. И. Марковин считает этот взгляд заслуживающим внимания только применительно к позднему периоду строительства дольменов, но не рассматривает перечисленные Л. Н. Соловьевым находки в пещерах. В будущем важно было бы подготовить работу о недольменных памятниках дольменной культуры, более основательную, чем статья Л. Н. Соловьева, и более пространную, чем беглые замечания В. И. Марковина.

На мой взгляд, дольмены строили не только носители особой дольменной культуры Кавказа, но иногда и носители других соседивших с нею культур. Именно этим объясняется и наличие единичных подкурганых дольменов в майкопской культуре (Новосвободная) и недавняя находка дольмена под курганом в с. Петровка на Северском Донце. Здесь слились характерный для степей и майкопской культуры обряд погребения под насыпями курганов и форма погребальных сооружений, обычно стоявших открыто — без насыпи. Вероятно, территориально обособленные от Черноморского побережья и Среднего Прикубанья дольмены р. Кяфар и Кавказских Минеральных Вод связаны с какими-то другими археологическими культурами, чем на западе Кавказа, может быть, и несколько более поздними. То, что дольмены Кяфара не средневековые, как писали вслед за Е. Д. Фелицыным многие археологи, в том числе и я, а эпохи бронзы, впервые предположила Л. Г. Нечаева. В. И. Марковин это доказал путем раскопок, но и он думает, что эти дольмены позже кубанских.

И последний момент, также непосредственно связанный с предшествующими: соотношение майкопской и дольменной культур. В довоенные годы было общепринятым, что даже древнейшие дольмены не старше II тысячелетия до н. э. и, следовательно, моложе памятников майкопского типа. После раскопок в Абхазии был поставлен вопрос о том, что в Причерноморской полосе Кавказа дольмены могли появиться еще в конце III тысячелетия, когда в Прикубанье переживала пору расцвета майкопская культура, лишь изредка проникавшая на побережье. Это позволяло объяснить появление дольменов в Новосвободной влиянием дольменной культуры Причерноморья на майкопскую Прикубанья. В. И. Марковин так же склонен удревянять дольменную культуру, но по его схеме древнейшие дольмены, восходящие даже к 2400 г. до н. э., расположены не в Абхазии, а как раз в Прикубанье. Это, во-первых, противоречит его собственной идее о проникновении дольменной культуры из Средиземноморья на Черноморское побережье Кавказа, а уже оттуда в более глубокие горные районы. Во-вторых, требует объяснения совершенно непонятная картина существования двух мощных культур — майкопской и дольменной — во второй половине III тысячелетия до н. э. на одной и той же территории. Ведь главные группы кубанских дольменов у Даховской, Хаджоха, Абадзехской Тульской, Баракаевской, Баговской станиц находятся в непосредственном соседстве с основными памятниками майкопской культуры. Я думаю, что удревянять дольмены до 2400 г. до н. э. нет оснований. Серьезных аргументов в пользу этой датировки В. И. Марковин не привел.

В последнее время в литературе появилась тенденция отрицать единство майкопской культуры и делить ее на две — майкопскую и новосвободненскую (Б. А. Латынин, А. Д. Столяр). Оснований для этого я не вижу. На поселениях Мешоко и Ясенова поляна майкопские культурные слои без каких-либо разрывов и стерильных прослоек переходят в новосвободненские. Керамика и кремневый инвентарь верхних и нижних горизонтов этих стоянок очень близки. В известном списке майкопских памятников, опубликованном А. А. Иессеном в 1950 г., помимо ранней — майкопской и поздней — новосвободненской групп есть еще одна группа погребений, которые исследователь затруднялся отнести к первой или второй. Очевидно, это промежуточная группа, генетически их связывающая.

Исходя из положений Б. А. Латынина, Н. А. Николаева и В. А. Сафронов предложили новую схему: существовала особая майкопская культура, а новосвободненская — это та же дольменная. В. И. Марковин не занял четкой позиции по отношению к этим спорам, но стремление как можно теснее связать дольмены Новосвободной с дольменной культурой и оторвать их от погребений майкопского типа у него, бесспорно, представлено. В частности, в своеобразии дольменов Новосвободной он не очень верит, усматривая в схематическом рисунке Н. И. Веселовского не двукамерный дольмен, а всего лишь разновидность порталного дольмена. Меня это не убежда-

ет. Двухкамерные мегалитические гробницы известны в культуре шаровидных амфор. Деление могильного сооружения на камеры зафиксировано и в Майкопском кургане. Значит, преемственность Новосвободной от майкопского этапа прослеживается не только по типам кремневых и металлических орудий, керамики и украшений, но и по особенностям погребальных сооружений. Своеобразная черта новосвободненских дольменов (из раскопок Н. И. Веселовского) — расположение круглого входного отверстия не на передней стенке гробницы, а внутри ее, на перегородке, разделяющей дольмен. Это лучше всего показывает, насколько чужд был данный тип усыпальниц для носителей майкопской культуры. В обычных дольменах отверстие служит для того, чтобы вносить внутрь тела умерших. Здесь это отверстие бессмысленно помещено внутри закрытой с четырех сторон камеры. Трудно понять это иначе, чем бессознательное воспроизведение малознакомого типа гробниц.

В итоге я считаю, что все сложности и неувязки в проблеме «майкопская культура и дольмены» снимаются, если мы останемся при старой схеме. Дольменная культура появилась в Абхазии раньше, чем в Прикубанье, и оказала определенное влияние на майкопскую культуру на позднем — новосвободненском ее этапе. Основная же масса дольменов Прикубанья моложе и майкопских, и новосвободненских памятников.

Как видим, дольмены Западного Кавказа ставят перед учеными еще много проблем. Не будем упрекать В. И. Марковина за то, что он решил не все из них. Этого не могли бы сделать и другие археологи. Будем благодарны автору за проведенную им большую и добросовестную работу, за созданную им ценную сводку.

Оставшиеся после нее недоработанные темы — выделение могильных комплексов, корреляция типов гробниц с типами инвентаря, соотношение понятий «дольмены» и «дольменная культура», соотношение дольменов и майкопских памятников — предстоит исследовать в будущем.

А. А. Формозов